

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Эвфемистическая функция отрицания в текстах рецензий

основная образовательная программа бакалавриата по направлению подготовки
45.03.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Отечественная филология
(Русский язык и литература)»

очной формы обучения
Москалева Алина Алексеевна

Научный руководитель:
д.ф.н., проф. Садова Т. С.

Рецензент:
к.ф.н., ст. преп. Кузьмина Е.Б.

Санкт-Петербург
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Отрицание как средство эвфемизации в рецензиях	8
1.1. Специфика жанра рецензии	8
1.2. Эвфемизация	12
1.2.1. Понятие, признаки и назначение эвфемизмов. Факторы эвфемизации	12
1.2.2. Проблема классификации эвфемизмов	17
1.2.3. Средства и способы эвфемизации	19
1.3. Категория отрицания и ее эвфемистический потенциал	20
Глава 2. Эвфемистическое отрицание в рецензиях	24
2.1. Негативная префиксация в рецензиях как способ эвфемизации	24
2.1.1. Имена существительные с негативными префиксами, выступающие в роли эвфемизмов в рецензиях	25
2.1.2. Имена прилагательные с негативными префиксами, выступающие в функции эвфемизмов в рецензиях	30
2.1.3. Наречия с негативными префиксами, выступающие в функции эвфемизмов в рецензиях	34
2.2. Эвфемистические отрицательные предложения	37
2.2.1. Эвфемия в общеотрицательных предложениях с предикатным отрицанием	38
2.2.2. Смещение предикатного отрицания как эвфемистический прием	43
2.2.3. Эвфемия в частноотрицательных предложениях с присловным отрицанием	44
2.2.4. Двойное отрицание как средство эвфемизации	48

Заключение	51
Список использованной литературы	54

ВВЕДЕНИЕ

В современной прагмалингвистике особое внимание уделяется вопросам гармонизации речевого общения. Одним из эффективных средств обеспечения коммуникативного комфорта является эвфемизация. Использование эвфемизмов позволяет изменить перспективу взгляда на освещаемую реалию, замаскировать ее истинную сущность за счет создания положительной или нейтральной коннотации. Таким образом, отдавая предпочтение сдержанному, смягченному выражению, коммуникант избегает неудач и конфликтов в общении, демонстрирует соблюдение требований тематической и ситуационной уместности речи, а также достигает определенного перлокутивного эффекта.

Исследования в области эвфемии идут в различных аспектах и представлены многочисленными работами. В работах Б.А. Ларина, Л.А. Булаховского, А.А. Реформатского были заложены теоретические основы изучения эвфемизмов (*Булаховский 1953, Ларин 1961, Реформатский 1998*). Л.П. Крысин и А.Н. Евсеева предлагают рассматривать феномен эвфемии в диахроническом и синхроническом аспекте (*Крысин 1996, Евсеева 2000*). В.П. Москвин и др. анализируют эвфемистические единицы с точки зрения способов образования (*Москвин 2001*). В.В. Хлынова и Ю.Д. Апресян проводят рассмотрение эвфемизмов в связи с изучением в области оценки (*Хлынова 1998, Апресян 1995*). В рамках теории речевых актов прагматику эвфемистических единиц описывает М.Л. Ковшова (*Ковшова 2007*). В.З. Санников анализирует особенности употребления эвфемистических единиц на материале художественных текстов (*Санников 1999*). Вместе с тем теория по эвфемии все еще находится на стадии накопления информации.

В настоящее время потребность в эвфемизации чрезвычайно велика, поэтому процесс образования эвфемистических единиц протекает с растущей интенсивностью. Приемы эвфемии получают широкое распространение в различных сферах речевой деятельности. **Актуальность** темы дипломной работы обусловлена тем, что в ней, с одной стороны, исследуется феномен

эвфемии на материале жанра рецензии, а с другой стороны, исследуется эвфемистический потенциал близких, но различных языковых единиц. Второй аспект исследования позволяет лучше понять приспособленность тех или иных языковых единиц к использованию в качестве эвфемизмов.

На сегодняшний день исследователями выявлено немалое число языковых единиц, используемых в качестве эвфемизмов (гиперонимы, синонимы, паронимы, заимствования и др.). В представленной работе рассматриваются только некоторые единицы, используемые в целях эвфемизации. **Единицами** исследования являются эвфемизмы, содержащие отрицание (в которых представлены отрицательные аффиксы *не-*, *без-/бес*, отрицательные частицы, местоимения и др.), различной структуры и разных языковых уровней (слова, словосочетания, предложения).

Анализ моделей эвфемистического использования отрицания проводится на **материале** рецензий за 2016-2018 год, извлеченных из ежемесячных литературно-художественных и литературных общественно-политических журналов «Новый мир» «Знамя», «Звезда». В этом источнике достаточно широко представлено явление эвфемии, поскольку для жанра рецензии особенно характерно проявление деликатности в ситуации выражения оценки.

Научная новизна настоящей работы заключается, во-первых, в изучении отрицательных единиц языка в функциональном (стилистическом) аспекте, в частности как способа эвфемизации текста, и, во-вторых, в исследовании особенностей проявления эвфемии в жанре рецензии.

Цель исследования – изучить эвфемистическое использование слов и выражений с эксплицитным отрицанием в тексте рецензии. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- обзор литературы по теме эвфемии и негации;
- фиксация и анализ эвфемистических единиц с отрицанием, представленных в рецензиях;
- систематизация материала;

- выявление частотности использования эвфемистического отрицания в рецензиях;

- описание специфики функционирования эвфемистических единиц и конструкций с отрицанием в рецензионной практике.

Объектом исследования служит функционирование эвфемистических единиц в тексте литературной рецензии. В качестве **предмета** исследования выступает стилистический потенциал отрицательных конструкций как средства эвфемизации.

Для достижения поставленной цели использованы следующие **методы** исследования:

- 1) описательный;
- 2) стилистического анализа;
- 3) сопоставительный;
- 4) простых количественных подсчетов.

Практическая значимость данной работы состоит в возможности использования результатов и материала исследования в курсах лекций по лексикологии, в практике написания рецензий и обзоров, а также при изучении русского языка не только его носителями, но и иностранными гражданами.

Структура работы определяется спецификой ее целей, задач и методов. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Во введении обосновывается актуальность темы, научная новизна и практическая значимость работы, обозначаются цели и задачи, а также методы исследования, описывается структурное строение работы. Далее следует основная часть, которая состоит из двух глав. В первой главе «Использование эвфемизмов с выраженным отрицанием в рецензиях» излагаются теоретические положения, на которые необходимо опираться при работе с материалом, рассматриваются особенности жанра рецензии, понятие эвфемизации, способы осуществления эвфемии, признаки и классификация эвфемизмов, сущность и эвфемистический потенциал отрицания. Во второй главе «Эвфемистическое отрицание в рецензиях» представлена работа с

материалом рецензий журналов «Новый мир», «Звезда», «Знамя», дан анализ эфемистических единиц, образованных при помощи средств негации. Выводы из настоящего исследования представлены в заключении. Завершает работу список использованной литературы.

Глава 1

ОТРИЦАНИЕ КАК СРЕДСТВО ЭВФЕМИЗАЦИИ В РЕЦЕНЗИЯХ

1.1. Специфика жанра рецензии

С тех пор как объект искусства (книга, фильм, спектакль, концерт и др.) стал выступать в роли товара, а индивид – в роли потребителя, изменилась функциональная направленность рецензии. Прежде всего, современная рецензия призвана удовлетворить потребность индивида в достоверной информации относительно интересующего его товара и в оценке его качества. В условиях, когда новые культурные продукты производятся в большом количестве каждый день, человек, не способный охватить такой объем культурных новинок своим вниманием, нуждается в определенном «фильтрующем механизме», который поможет ему определиться с выбором. Так, негативная рецензия, полная критических замечаний, даст потребителю понять, что данный продукт не стоит его внимания. Напротив, положительный отзыв, в котором запечатлено искреннее восхищение рецензента от нового культурного объекта, вызовет желание ознакомиться с ним у читателя рецензии. Таким образом, рецензия помогает потребителю сориентироваться на рынке культурных новинок, выступая в качестве своеобразного «путеводителя» и «фильтра», а также влияет на выбор того или иного культурного продукта, осуществляя рекламно-коммерческую функцию. Назначение рецензии становится не только просветительским, но и рекламным, что не может не отражаться на речевом оформлении текстов данного жанра.

Возникновение литературной критики в целом, в том числе жанра рецензии, было спровоцировано появлением литературных журналов. В числе первых российских авторов к рецензии обратился Николай Михайлович Карамзин. Актуальным рецензирование становилось постепенно, чему способствовало развитие книгопечатания, а также переход от чтения экстенсивного (беглого, поверхностного) к интенсивному (проницающему, глубинному). Если ранее потребность в книге у человека ограничивалась чтением «Библии» и «Домостроя», то к началу XIX века количество изданий

(книг и журналов) увеличивается настолько, что появляется необходимость в профессионалах – людях, которые способны стать посредниками между книгой и социумом. О важности той роли, которую стали играть рецензенты, пишет Л.Е. Кройчик: «Знакомство с эстетическим разнообразием мира возможно и без посредства критика-рецензента. Но опытный проводник на этом пути – гарантия того, что у художника не прервется связь с аудиторией» (*Кройчик и др.* 2000: 86).

Латинское слово «*recensio*» переводится как «просмотр, сообщение, оценка, отзыв о чём-либо». Рецензией называется жанр журналистики, а также научной и художественной критики, в основе которого лежит отзыв (в первую очередь — критический) о предмете искусства или науки (*Тертычный* 2000: 114). Чаще всего рецензия служит источником информации о новом произведении, включает в себя его краткий анализ и оценку.

Рецензию принято относить к аналитическим жанрам журналистики: «Одной из наиболее примечательных черт отечественных СМИ традиционно является нацеленность их не столько на сообщение новостей, сколько на анализ, исследование, истолкование происходящих событий, процессов, ситуаций. В силу этого СМИ выработали достаточно эффективную систему аналитических жанров» (*Тертычный* 2000: 114). Предмет анализа – это то, что отличает рецензию от других газетных жанров. В качестве предмета рецензии выступают «не непосредственные факты действительности, на которых основаны очерки, корреспонденции, зарисовки, репортажи и т.п., а информационные явления – книги, брошюры, спектакли, кинофильмы, телепередачи» (*Тертычный* 2000: 115). Речь здесь идет о вторичности жанра рецензии как одной из важнейших ее черт.

В центре внимания рецензента стоит действительность, уже воплощенная в предмете искусства. Поэтому автор рецензии вынужден смотреть на окружающую его реальность сквозь призму того, как она представлена в анализируемом произведении. Вторичная природа жанра рецензии диктует ее автору определенные задачи: «ориентация аудитории в тех проблемах, о

которых говорят создатели книги, спектакля или живописного полотна, формирование у читателя эстетических представлений о действительности, объяснение сути творческого процесса, содействие аудитории в выработке самостоятельных оценок подобных произведений» (*Кройчик и др.* 2000: 88).

Рассматривая специфику рецензии на материале художественной критики, Кройчик следующим образом формулирует публицистический смысл этого жанра: «оперативно откликнуться на появление конкретного произведения искусства и создать образ рецензируемого произведения, объяснить читателю или слушателю, как связаны между собой эстетически оформленный мир, фантазия творца и виртуальный мир искусства» (*Кройчик и др.* 2000: 93).

Качественная рецензия представляет собой всесторонний и объективный анализ произведения, который возможен только в том случае, если рецензенту удалось погрузиться в художественный мир автора, понять его замысел, заговорить с ним на одном языке, обнаружить с ним контакт и, наконец, способствовать умножению подобных контактов у своих читателей (*Тертычный* 2000: 118).

Этапы погружения в уже отраженную реальность и, как результат, написание рецензии Кройчик описывает следующим образом: 1) рецепция произведения – его эмоциональное восприятие; 2) рефлексия по поводу прочитанного; 3) непосредственный анализ произведения, включающий в себя определение темы и основной его идеи, системы образов, призванных выразить замысел творца, структурно-композиционных особенностей текста, своеобразия языка и стиля; 4) собственно написание рецензионной работы (*Кройчик и др.* 2000: 99).

При написании рецензии автором движет конкретная установка – дать подробный анализ произведения искусства, чтобы убедить читателя в том, что оно достойно его внимания (либо наоборот). Рецензент делится впечатлением, выражает свое отношение к миру через анализ продукта творчества, вступает с

читателем в диалог. Направленность на адресата – еще одна важная черта рецензии.

Поскольку рецензент выступает в роли коммуникативного лидера, т.е. адресанта, то ему необходимо владеть таким важным качеством, как коммуникативная компетентность, которая заключается в способности без каких-либо затруднений перерабатывать полученные данные в текст, принимая во внимание его жанрово-стилистическое своеобразие и направленность на восприятие массовой аудиторией (*Свитич и др.* 1989: 194).

В коммуникативную компетентность входит т.н. «чувство аудитории». Аудитория рецензента – это неоднородная масса читателей. Умение понимать собеседника как один из основных признаков коммуникативной компетенции осложняется неоднородностью массового адресата. Поэтому на первый план выдвигается учет жанровых ожиданий читателя. Применительно к жанру рецензии, адресат – это читатель, ждущий от автора аргументированной оценки произведения искусства (*Смелкова и др.* 2003: 21).

Просветительская и рекламирующая функции жанра рецензии также требуют от рецензента придерживаться определенных правил коммуникативного поведения с читателем. Рецензенту-просветителю необходимо быть понятным, в связи с чем он должен доносить информацию максимально ясно и доступно, при этом давая читателю возможность чувствовать себя комфортно, на одном культурном уровне с автором. От «неравного» диалога предостерегает Л.В. Костюков в «Журналистике мнений»: «Два способа выражения неуважения к собеседнику – говорить о непонятном как об общеизвестном и об общеизвестном как о непонятном» (*Костюков* 2004: 7).

Что касается рекламирующего рецензента, то для него особенно важно обладать способностью убеждать. По Костюкову, «искусство убеждения заключено, в частности, в том, чтобы слышать себя со стороны – или, что то же самое, чувствовать реакцию возможного собеседника и вовремя гасить его недоверие». Главным и наиболее эффективным механизмом убеждения в

диалоге между рецензентом и читателем исследователь считает искренность: «Выражая не свою позицию (даже несильно смещая ее), вы жертвуете искренностью, а без искренности речь теряет упругость. Уйдет живая интонация – и рассыплется все, вплоть до синтаксических связей» (Костюков 2004: 16).

Однако, стремясь к предельной ясности и искренности описания своих впечатлений от произведения искусства, рецензент всегда находится в рамках цивилизованного общения. Если, меняя свое мнение, автор рецензии рискует потерять доверие читателя из-за отсутствия искренности, то меняя лишь формы выражения в сторону их смягчения, он поступает как деликатный участник диалога, равнодушный к чувствам своего собеседника.

В основе жанра рецензии лежит оценка, которая, по словам Кройчика, представляет собой «не субъективный произвол («нравится – не нравится»), а тщательно аргументированный разбор источника» (Кройчик и др. 2000: 102). Давая оценку произведению искусства, рецензент осуществляет медиативную функцию. Он вступает в диалог не только с читателем рецензии, но и с создателем (автором) предмета рецензии. Именно поэтому рецензент часто сталкивается с проблемой выбора номинации, которая должна соответствовать действительности, с одной стороны, и не должна оскорблять читателей (среди которых находится и автор рецензируемого произведения) – с другой. Даже негативную оценку рецензент может выразить в сдержанной и мягкой форме, благодаря использованию средств эвфемизации.

1.2. Эвфемизация

1.2.1. Понятие, признаки и назначение эвфемизмов. Факторы эвфемизации

В ходе коммуникации говорящий часто встает перед необходимостью выбора между прямой номинацией, заключающей в себе явно отрицательную оценку, способную спровоцировать возникновение напряженной ситуации в общении, и его смягченным вариантом – эвфемистической единицей. Практика

общения показывает, что носители русского языка отдают предпочтение последнему.

Узкий подход к явлению эвфемии предполагает восприятие эвфемистических единиц в качестве заменителей «табуизированных слов» (*Варбот* 1998: 3) либо «обсценной, прежде всего матерной, лексики» (*Буй* 2005: 4). Настоящая работа отражает широкое понимание эвфемизмов «как любых слов или словосочетаний, служащих в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» (*Крысин* 2004; *Москвин* 1999; *Шмелев* 1979 и др.).

Традиционно принято рассматривать эвфемизмы в трёх аспектах: социальном, психологическом и собственно лингвистическом. «Социальный аспект, – замечает А.М. Кацев, – это лежащие в основе эвфемии социальные, а именно моральные и религиозные мотивы. Под их воздействием прямые наименования предметов и явлений вызывают отрицательную оценку... Под психологическим понимается тот эффект смягчения высказывания, который сопутствует эвфемистической замене. Старое прямое наименование предмета или явления вызывает негативную эмоцию (страх, стыд, отвращение). Новое косвенное наименование нейтрализует эту эмоцию» (*Кацев* 1988: 4–5).

Однако в последние годы был намечен четвёртый, более актуальный аспект анализа эвфемистических единиц – прагматический. Дело в том, что в настоящее время замена на эвфемизм происходит не под влиянием строгих правил использования речевых средств (табу), а по воле самого говорящего. Адресант, преследуя определенную коммуникативную задачу, анализирует речевую ситуацию и конкретного адресата, в связи с чем оценивает прямую номинацию как уместную либо нетактичную, способную вызвать неблагоприятную реакцию адресата. Во втором случае говорящий совершает замену неподходящей единицы на эвфемизм.

Таким образом, основанием для прагматического подхода к рассмотрению эвфемизации является тот факт, что появление эвфемизма

напрямую связано с определенной ситуацией общения и ориентацией говорящего на конкретного адресата. «Направленность на адресата... является первоисточником эвфемии», – справедливо замечает Н.Ц. Босчаева (*Босчаева* 1989: 190).

Цели использования эвфемистических единиц, с точки зрения Л.П. Крысина, различны:

1) «стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта», по мнению исследователя, является одной из основных целей, преследование которой заставляет говорящего прибегать к средствам эвфемии;

2) «вуалирование, камуфляж существа дела» – более специфическое назначение эвфемизмов, как правило, связанное со страхом разглашения предосудительных действий, заслуживающих порицания со стороны общества;

3) «зашифрованность сообщения», которая предполагает, что передаваемая информация будет понятна только адресату (*Крысин* 1996: 456).

Несмотря на то, что большинство лингвистов, будучи сторонниками широкого подхода к явлению эвфемии, дают схожие толкования понятия «эвфемизм»: это «слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно» к употреблению (*МАС*, т. 4, 1988: 746), – на практике исследователи испытывают большие затруднения при определении критериев, отграничивающих эвфемистические единицы от слов, которые ими не являются.

Е.П. Сеничкина выделяет четыре обязательных признака, которыми должны обладать эвфемизмы:

- 1) «обозначение нежелательного денотата» – маскируемые средствами эвфемии явления действительности характеризуются отрицательной оценкой либо коннотацией;
- 2) «семантическая неопределенность» – эвфемизм несет в себе более сокращенный объем информации, чем прямая номинация, что позволяет ему нейтрализовать негативную оценку;

- 3) «улучшение характера денотата» – эвфемизм выражает более мягкую оценку, чем заменяемое слово или словосочетание;
- 4) «формальный характер улучшения денотата», который дает возможность адресату понимать, о чем идет речь в действительности (Сеничкина 2008: 6).

На важность «сохранения истинности высказывания при употреблении эвфемизмов» указывает Н.М. Потапова (Потапова 2009: 20). В процессе эвфемизации говорящий не вводит в заблуждение, а сознательно смягчает форму подачи информации, чтобы не формировать у адресата негативного восприятия. Если применяемый эвфемизм не способен сохранять связь с денотатом, то речь идет уже о намеренном искажении действительности, а не об эвфемизации.

Исследователи выделяют ряд факторов, от которых зависит эвфемизация:

- 1) *Контекст*. Эвфемизм проявляет себя через контекст. Только учитывая языковое окружение и ситуацию общения, можно выделить конкретную языковую единицу в качестве эвфемистической, так как та же единица может и не выступать в качестве эвфемизма, будучи помещенной в другой отрывок речи или текста. Контекст, содержащий указание на негативную оценку чего-либо, является благоприятным для реализации в нем эвфемистической функции (Кацев 1989: 41).

Применительно к контексту отдельно стоит упомянуть о случаях, когда в тексте (в пределах одного или нескольких предложений) сталкиваются прямая номинация и смягченный вариант ее замены, поскольку мнения исследователей о правомерности считать такую замену эвфемистической расходятся. Например, А.С. Карпова утверждает, что если слово употреблено в высказывании, содержащем прямое указание на негативную оценку, то оно не может выступать в качестве средства эвфемизации (Карпова 2001: 155). Е.П. Сеничкина, напротив, отмечает, что идущая вслед за эвфемистической единицей расшифровка замаскированного понятия не лишает ее возможности быть эвфемизмом, однако значительно ослабляет степень ее эвфемизации:

«Честно говоря, она, как бы это сказать, не очень умна; дура, если говорить прямо» – РР (Сеничкина 2008: 15).

2) *Фактор непринужденности или детерминированности коммуникации.*

Применение средств эвфемизации зависит от того, на каком уровне адресат осуществляет контроль своей речи и коммуникативной ситуации. Чем выше уровень такого контроля, тем вероятнее оказывается появление эвфемистических единиц в речи (Крысин 1994: 30).

Е.П. Сеничкина к этому добавляет, что возможность применения эвфемизмов возрастает «в ситуации параметризованного общения (в строго заданных социальных рамках)» (Сеничкина 2008: 16).

3) *Стилевой фактор.* Зачастую эвфемизмы закрепляются за определенным стилем речи. На настоящий момент различают «эвфемизмы научного, официально-делового, публицистического стиля, эвфемизмы художественной литературы и разговорно-обиходного стиля, эвфемизмы просторечия» (Сеничкина 2008: 32).

4) *Социальная детерминированность,* которой обладает довольно большое количество эвфемистических единиц русского языка. Так, широко представлен класс эвфемизмов детской речи (Сеничкина 2008: 32).

5) *Относительный характер эвфемистической единицы.* «То, что в одной среде расценивается как эвфемизм, в другой может получать иные оценки» (Крысин 1996: 389).

Таким образом, несмотря на значительную литературу, посвященную эвфемии, данное языковое явление изучено не в полной мере: нет однозначной интерпретации эвфемизма, недостаточно четко обозначены границы эвфемизмов, не сформировано единое мнение о признаках, которыми они должны обладать, что, как следствие, создает трудности при классификации эвфемистических единиц.

1.2.2. Проблема классификации эвфемизмов

Чтобы оценить существующее разнообразие эвфемизмов, достаточно ознакомиться с попытками исследователей систематизировать всю неоднородную массу эвфемистических единиц. В настоящее время в русистике нет единого подхода к классификации эвфемизмов, их типы варьируются в зависимости от аспекта, положенного в основу классифицирования. На сегодняшний день существует около десятка различных классификаций эвфемистических единиц.

Уровневый тип классификации был предложен Б.А. Лариным. Исследователь делит эвфемизмы на два разряда: 1) «однословные эвфемизмы (лексические)», состоящие из одного слова; 2) «эвфемистические речения», т.е. целые эвфемистические выражения с разной степенью связанности их компонентов (*Ларин 1961:11*).

Первая лексико-семантическая классификация эвфемистических единиц в отечественной лингвистике была представлена А.М. Кацевым. Его принцип объединения эвфемизмов в группы базируется на систематизации тех явлений действительности, для описания которых в социуме не принято использовать прямые номинации: смерть, болезни, пороки, некоторые нелицеприятные физиологические процессы и др. (*Кацев 1989: 21*). Предложенный А.М. Кацевым тип классификации отражает близость таких явлений, как эвфемизация и табуирование, которые так или иначе связаны с ограничением в употреблении определенных слов и выражений.

Мотивационная классификация, учитывающая способ образования эвфемистических единиц, была разработана В.П. Москвиным. Ученый делит приемы эвфемизации на следующие разряды:

1) возникающие на основе двусмысленности речи: метонимия (*обойтись посредством платка = высморкаться*), метафора (*уйти из жизни = умереть*) и др.;

2) базирующиеся на умышленном введении неопределенности в текст, при условии ее полного разъяснения благодаря контексту или конситуации:

прономинализация (*зайти кое-куда = в туалет*), антономазия (*лукавый = черт*) и т.п.;

3) эвфемизация при помощи намеренно введенных в текст неточностей: синекдоха, мейозис (*нетрезвый = пьяный*);

4) использование эвфемизмов в виде прямого именованя предмета речи при помощи лексики из иных речевых систем: книжная лексика (*летальный сход = смерть*), иноязычное слово, не освоенное языком (*Москвин 1969: 64–67*).

Интересную классификацию, на основе степени проявления эвфемистической функции, предлагает Е.П. Сеничкина. Исследовательница утверждает, что на уровень эвфемизации оказывают влияние три фактора: степень наложенного ограничения на употребление языковой единицы, наличие иронической функции в контексте и морфемный состав эвфемизма (*Сеничкина 2008: 17–18*).

Морфологическая классификация эвфемизмов позволяет наглядно убедиться в том, что в качестве эвфемистических единиц могут функционировать слова практически всех частей речи: имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, глаголы, наречия, слова категории состояния и др.

В настоящей работе отдается предпочтение морфологической классификации эвфемизмов при анализе однословных эвфемистических единиц с отрицанием, поскольку она позволяет проводить описание и классификацию собранного материала от формы. Кроме того, выбор классификации обусловлен возможностью избежать большого количества противоречий при систематизации материала.

Для описания примеров, иллюстрирующих проявление эвфемии при помощи отрицания на уровне предложения, в качестве наиболее удобной нами была признана классификация типов отрицательных предложений Е.В. Падучевой, позволяющая рассмотреть отрицание как одно из средств эвфемизации.

1.2.3. Средства и способы эвфемизации

Из приведенных классификаций видно, что эвфемизмами могут являться слова разных частей речи, принадлежащие к различным стилям речи и связанные с разными сферами человеческой жизни. Однако это не лишает возможности объединять языковые единицы, способные реализовывать эвфемистический потенциал, в более или менее единообразные группировки. Такую попытку предпринял Л.П. Крысин, выделив следующие средства эвфемизации:

1. «Слова-определители с «диффузной» семантикой: *некоторый, известный, определенный, соответствующий, надлежащий*», позволяющие адресанту сообщения уходить от конкретных определений, используемых для описания негативно оцениваемых явлений и пр.
2. «Номинации с достаточно общим смыслом, используемые для названия вполне конкретных предметов и понятий: *акция, изделие, объект, продукт, учреждение, материал* в значении 'компрометирующие сведения о ком-либо' (*На Вас поступил материал*)», также помогающие говорящему избегать конкретных наименований.
3. «Иноязычные слова и термины, употребляемые как обозначения, более пригодные для вуалирования сути явления, чем исконная лексика: *конфронтация* как 'противостояние' (иногда с применением оружия)». Иностранные наименования предметов и явлений зачастую оказываются сложны для восприятия и правильного истолкования носителем русского языка, что дает возможность при их помощи маскировать истинный смысл высказывания и тем самым осуществлять функцию эвфемизации речи.
4. «Аббревиатуры, особенно характерные для репрессивной сферы и сфер, связанных с сокрытием государственных и военных тайн: *ВМ = высшая мера (наказания)*». Поскольку аббревиатуры требуют расшифровки, а

расшифрованное понятие не всегда является прямой номинацией, то такой тип сокращения слов оказывается благоприятным для вуалирования нежелательной информации и, соответственно, обладает высоким эвфемистическим потенциалом;

5. «Некоторые слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства, употребляемые не в своем обычном значении, а в качестве смягчающего эвфемизма: *он недослышит* (о глухом)». Чтобы напрямую не называть отрицательное качество, говорящий зачастую использует слова, которые выражают это качество в несколько преуменьшенной степени, что смягчает категоричность высказывания и рассматривается как факт эвфемии (Крысин 2004: 461–467).

Более конкретное представление о средствах эвфемизации дает Е.П. Сеничкина, рассматривая возможности проявления эвфемии даже на морфемном уровне. Исследовательница дает перечень морфем, наличие которых в слове наделяет его способностью к эвфемистическому употреблению. Среди них указываются уменьшительно-ласкательные суффиксы: *-оват* (*глуховатый*), *-очк* (*дурочка*), *-ишк* (*связишка*) и др. (Сеничкина 2008: 18–19). Подобные аффиксы несут в себе семантику ослабления признака или действия, тем самым формально улучшая характер денотата. Эвфемистическим потенциалом, по мнению Сеничкиной, обладает приставка *не-* (*неумный* = глупый), а также префиксы *без-/бес-* (*безрадостный* = горестный), характеризующиеся семантикой отрицания. Поскольку в центре внимания настоящего исследования находится отрицание, выступающее как средство эвфемизации, то необходимо остановиться на данном явлении более подробно.

1.3. Категория отрицания и ее эвфемистический потенциал

Несмотря на то, что категория отрицания присуща всем языкам мира, данное понятие с трудом поддается однозначной интерпретации. Существует мнение, что отрицание целесообразно относить к семантически неразложимым,

исходным понятиям, которые невозможно истолковать (*ЛЭС* 1990: 354). Однако попытки трактовать понятие «отрицание» предпринимались неоднократно. Семантика отрицания тесно связано с грамматической категорией отрицания. Толковый словарь дает следующее определение отрицания как грамматической категории: «слово, отрицающее смысл другого слова или смысл фразы» (*МАС*, т. 2, 1986: 707). Нужно сказать, что большинство толкований понятия «отрицания» базируются на идее опровержения утверждаемого.

Немаловажно различать назначение отрицания и собственно языковые средства его выражения. Основную функцию, которую выполняет отрицание, обозначил Н.Н. Болдырев: выражать «отсутствие, несоответствие, отрицательную оценку и отрицательную коммуникативную реакцию» (*Болдырев* 2011: 10). В пределах обозначенных значений категории отрицания можно обнаружить два аспекта. Во-первых, это связь с объективной действительностью (семантический аспект): отсутствие и несоответствие. Во-вторых, выражение субъективного отношения (прагматический аспект): коммуникативная реакция и оценка (*Кирковская* 2015: 58).

В русском языке отрицание может быть представлено такими средствами, как отрицательные частицы (*не*), отрицательные предикативные слова (*нет*), отрицательные местоимения (*никто*, *нисколько* и др.), отрицательные наречия (*никогда*, *нигде*), парные отрицательные союзы (*ни...ни*), отрицательные префиксы (*не*) и др.

В настоящей работе особое внимание уделяется таким эксплицитно выраженным способам отрицания, применительно к которым О. Есперсен использует термин «специальная негация», подразумевая под ним два варианта употребления *не*: в форме отрицательной приставки и в форме отрицательной частицы (*Есперсен* 1958: 404).

Наше исследование призвано проиллюстрировать, каким образом средства негации способны влиять на создание эвфемистического эффекта.

Почвой для появления эвфемистического отрицания в речи служит коммуникативная обусловленность отрицания.

Дело в том, что «для сообщения информативности в большинстве случаев адресант предпочитает утвердительную структуру предложения, так как положительное высказывание требует меньше усилий и времени для понимания, поскольку само по себе несёт некую информацию (то есть обладает определённой долей информативности) и не требует от получателя специальных усилий для интерпретации и правильного понимания» (Кирковская 2015: 55), тогда как отрицательная структура, напротив, осложняет восприятие информации для адресата и, следовательно, снижает вероятность ее безошибочной трактовки. Адресату труднее определить, какой смысл заложил говорящий в свое сообщение. Когда адресанту необходимо передать субъективное отношение, выразить отрицательную оценку, он прибегает к использованию отрицательных структур с целью затемнения истинного смысла высказывания.

Кроме того, зачастую под влиянием контекста «специальные негаторы» приобретают дополнительный семантический оттенок неполноты проявления качества или признака (особенно отчетливо это прослеживается, когда *не* присоединяется к наречиям меры и степени), что также позволяет им участвовать в эвфемизации.

Использование «негативной литоты» в качестве средства эвфемизации предлагает рассматривать Э. Партридж (Partridge 1964: 112). Способ негативной префиксации в классификацию способов образования эвфемистических единиц включает А.М. Кацев (Кацев 1989: 35).

Е.П. Сеничкина уточняет, что эвфемизмы, которые содержат отрицательную приставку *не-* и являются однокоренными антонимами к словам с положительным денотатом, обладают минимальной степенью эвфемизации (Сеничкина 2008: 19). Подобные эвфемизмы передают «сдержанное порицание... для отрицательно оцениваемых свойств» (Апресян 1995: 312).

Таким образом, негация как способ эвфемизации уже изучалась исследователями. Настоящая работа направлена на то, чтобы выявить отрицательные структуры, которые в качестве эвфемистических склонны применять авторы рецензий, поскольку особенность жанра рецензии предусматривает наличие выраженной оценки, а, следовательно, располагает к использованию средств эвфемии. О том, как категория отрицания актуализирует потенциальную возможность способствовать эвфемизации в текстах рецензий, речь пойдет в следующей главе.

Глава 2

ЭВФЕМИСТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ В РЕЦЕНЗИЯХ

2.1. *Негативная префиксация в рецензиях как способ эвфемизации*

В современном русском языке существуют разнообразные средства выражения отрицания, среди которых наиболее универсальным средством является частица *не*. Среди словообразовательных элементов, содержащих в своей семантике отрицание, самой высокой частотностью употребления обладает отрицательный префикс *не-*. Поэтому большинство примеров работы будут отражать именно эти два средства негации. Нередко отрицание выражается при помощи отрицательных местоимений и местоименных наречий, слов *нет*, *нельзя*, и другими способами.

Настоящее исследование направлено на выявление эвфемистического потенциала средств негации в литературно-критических текстах. Использование эвфемизмов в этом типе текстов связано с необходимостью выражения оценки, предполагаемой жанром рецензии. В данном разделе будут описаны только те эвфемизмы, которые образованы при помощи отрицательного префикса. Таким образом, внимание будет сосредоточено на эвфемистических единицах с приставками *не-* и *без-/бес-*.

За основу берется широкое понимание эвфемизмов как слов или сочетаний, заменяющих в определенных условиях такие обозначения, которые кажутся адресанту не вполне уместными по причине своей резкости, способности спровоцировать коммуникативную напряженность: обидеть, смутить адресата (*Сеничкина 2008; Крысин 2004; Москвин 1999; МАС*, т. 4, 1985; *Шмелев 1979*).

Известно, что вопрос о сочетаемости приставки *не-* с различными частями речи остается открытым, но можно утверждать, что меньше всего ограничений накладывается на употребление данного отрицательного префикса в составе имен существительных, имен прилагательных, а также наречий.

На основе частеречной принадлежности эвфемизмов из текстов литературных рецензий выявленные единицы, образованные путем негативной

префиксации, можно распределить по следующим моделям: отрицательная приставка + имя существительное / имя прилагательное / наречие, выступающие антонимами по отношению к заменяемому слову. Эффект смягчения в подобного рода словах объясняется тем, что, с психологической точки зрения, отрицание положительного денотата звучит менее категорично и более мягко, чем утверждение отрицательного.

Как будет видно дальше в цитируемых примерах, в целом ряде случаев авторы рецензий, используя эвфемизмы, оговаривают обоснованность их употребления и с этой целью вводят различные метаязыковые элементы – вводные и вставные конструкции.

2.1.1. Имена существительные с негативными префиксами, выступающие в роли эвфемизмов в рецензиях

Эвфемизмы-существительные, образуемые путем присоединения отрицательного префикса, возможны не во всех лексико-грамматических группах, а только в составе абстрактных существительных, образованных от прилагательных и глаголов, т.е. имеющих признаковое значение. Нередко в рецензиях можно наблюдать случаи, когда рецензент вместо прямой номинации отдает предпочтение эвфемизму, который образуется на основе модели: негативный префикс *не-* + имя существительное, как правило, антонимичное по смыслу слову, которое автор рецензии считает нужным заменить:

- *Чем объяснить прижизненный **неуспех** американки? Только ли отсутствием необходимой дистанции (от рождения до смерти), как полагает Галина Юзефович? Отчасти да [Звезда, 2018, 1: 258].*

Так, рассуждая о причинах неудавшейся писательской карьеры автора рецензируемого сборника, рецензент предпочитает назвать провал писательницы на литературном поприще неуспехом. Присоединяя к слову с положительным значением негативный префикс *не-*, автор рецензии так или иначе актуализирует положительный денотат существительного «успех».

Происходит смещение смысла в сторону отрицания успеха в писательской деятельности. Таким образом, описанная замена является яркой иллюстрацией эвфемии при помощи отрицательной приставки.

- *Тут можно сделать последнюю ремарку об очень профессионально сделанной, большой и сильной книге Франзена. Его желание ответить на главные вопросы современности, мира и всего такого, и желательного сразу, как мне видится, приводят к некоторой неудаче. Но, быть может, стоило поверить одной из героинь романа, которая однажды говорит о необходимости недоделанности для произведения искусства. [Новый мир, 2017, 4: 271].*

Любопытно отметить, что довольно часто рецензенты используют эвфемизмы и эвфемистические сочетания с отрицанием, где функционирует корень *-удач-* (*неудача, неудачный, неудачно, не очень удачно* и др.) Вероятно, данный факт можно объяснить тем, что в представлении носителя русского языка все, что связано с удачей, не зависит от человека, его воли и усилий. Соответственно, за все удачи и неудачи ответственность с человека условно снимается, что уже дает возможность словам, содержащим корневую морфему *-удач-*, участвовать в эвфемизации.

В данном отрывке из рецензии рецензент выражает свою высокую оценку книги и разочарование ее финалом. Последнее высказано чрезвычайно мягко. Автор рецензии предваряет свое заключение о неудачной концовке романа вводной конструкцией «как мне видится», служащей для выражения источника мнения – одного лишь рецензента, чем он подчеркивает субъективность своего суждения, а также отсутствие в нем притязаний на истину: рецензенту так «видится», кажется.

Промах с финалом назван эвфемизмом, образованным по известной модели: *не-* + существительное с положительным значением («удача»). Эвфемизация в данном случае поддерживается неопределенным местоимением «некоторый», которое указывает на «неопределенное и небольшое количество» (Шелякин 2006: 120).

Далее рецензент, снова прибегая к использованию вводного слова, выражающего неуверенность («может быть»), дает свою альтернативную логику развития событий в романе, считая, что лучше было оставить книгу «недоделанной». Так, всеми возможными способами автор рецензии сглаживает критику финальной части романа, в чём ему помогают средства эвфемизации.

- *По отношению к историческому русскому авангарду — это, безусловно, неправда [Новый мир, 2016, 1: 267].*

В приведенном примере рецензент в качестве средства нейтрализации негативного воздействия прямой номинации «ложь» вводит в свой текст существительное, образованное путем негативной префиксации, которое при этом без отрицательной приставки *не-* является антонимом к заменяемому слову. Утверждение неправдивости изложенного в рецензируемом произведении является смягченным вариантом упрека во лжи в адрес автора предмета рецензии, негативный префикс участвует в создании эвфемистического эффекта.

Подобную ситуацию можно наблюдать в следующем примере:

- *Здесь ощущается явный перебор. Мне кажется, в художественных текстах некоторые вещи нужно опускать — и не только из сострадания к читателю, а еще из эстетического чувства соразмерности. Не буду говорить о неестественности такой сцены даже для наших много повидавших больницы, все же мужчинам (да еще и незнакомым) не дают мыть женщин. При всем при том прекрасно понимаю, что автору не до правдоподобия, ему эта сцена нужна [Знамя, 2017, 2: 231].*

Рецензент, рассуждая о неправдоподобном изображении некоторых сцен из больницы, говорит о невозможности их осуществления в реальной жизни («явный перебор»), однако эту недопустимость он вуалирует под «неестественность» – ‘ненатуральность’ (МАС, т. 2, 1986: 442), чем существенно смягчает выражение. Затем прямо говорит о неправдоподобии, однако подчеркивает его оправданность.

- Усиливает это ощущение то обстоятельство, что во всех персонажах есть некая ущербность, **несовершенство** — или юношеская **незрелость**, сопровождаемая комплексом неполноценности, или незалеченная душевная травма из прошлого [Знамя, 2018, 3: 235].

Давая оценку героям произведения, рецензент в приведенном отрывке использует сразу несколько эвфемизмов-существительных с отрицательными приставками. Существительное «несовершенство» образовалось путем присоединения отрицательного префикса *не-* к слову «совершенство», выражающему высокую положительную оценку. Понятие «несовершенство» – ‘неполнота каких-л. достоинств, качеств, отсутствие совершенства в чем-л.’ (МАС, т. 2, 1986: 480) – оказывается связанным с понятием «идеала». Утверждая о несовершенстве персонажей, автор рецензии лишь отрицает достижение ими совершенства. Однако сам контекст подсказывает иную трактовку понятия: под несовершенством понимается ущербность, не случайно именно это слово начинает ряд однородных членов, где существительное «несовершенство» выступает в роли эвфемистического синонима к слову «ущербность».

Заметим также следующее: несмотря на то, что рецензент использует прямую номинацию «ущербность», он предваряет ее неопределенным местоимением «некая», что тоже способствует смягчению оценки.

Следует обратить внимание на существительное с отрицательным префиксом «незрелость», которое принято употреблять по отношению к лицам, не достигшим зрелого возраста, для которых характерна внутренняя недоразвитость в интеллектуальной, духовной, эмоциональной и других сферах жизни, в то время как «зрелость» (антоним без *не-*) в своем переносном значении часто используется для характеристики одного из периодов жизни человека, когда он достигает наивысшего уровня развитости и находится на пике своих возможностей, ср.: ‘высокая степень развития, совершенства’ (МАС, т. 1, 1985: 622).

Отражение эвфемизации посредством негативной префиксации легко обнаружить в устойчивом медицинском термине «комплекс неполноценности», связанном с чувством собственной ущербности. Отрицательные коннотации слова «ущербность» сводятся к минимуму при замене его на эвфемизм-существительное «неполноценность».

Негативная префиксация как способ эвфемизации не ограничивается использованием приставки *не-*. Эвфемистическим потенциалом обладают словообразовательные единицы *без-/бес-*, для которых также характерна семантика отрицания.

- *Предположим следующую расшифровку: поэт дает наставления «как надо» вести себя: «в стенку бей звездой» — это и отсылка к стуку в стену – в ответ на шум за стеной; и в то же время косвенное указание на некоторую бесполезность рекомендации – в реальной жизни стуки в стену (тем более при помощи столь странного, «поэтического» предмета) не останавливают жизнь за стеной [Новый Мир, 2016, 4: 259].*

Откровенную глупость, бессмысленность рекомендации рецензент преподносит в смягченной форме, используя эвфемизм, заключающий в себе отрицание положительного денотата «полезность». Дополнительный оттенок смягчения данное существительное приобретает благодаря сопровождающему его неопределенному местоимению «некоторый», которое способствует размыванию смысла и тем самым камуфлирует истинное значение слов.

Существительные с отрицательными префиксами активно используются для замены наименований тех понятий, которые принято вуалировать в социуме, например, понятия бедности:

- *Но Минаев и в самые сложные годы войны и тюрьмы не изменял своему стилю – те же шуточные посвящения, хоть и с упоминанием военных реалий, пишутся им и в 1941 году, с той же наблюдательностью, с какой он фиксировал смешные черты своих коллег-стихотворцев, он наблюдает и лагерную жизнь, и свое хроническое **безденежье** на воле [Новый Мир, 2016, 5: 272].*

Как видно из приведенного контекста, прямая номинация «нищета» приобретает более «благовидный» характер благодаря ее замене на существительное с негативным префиксом «безденежье», фиксирующее в своем значении лишь ‘недостаток в деньгах, отсутствие денег у кого-л.’ (МАС, т. 1, 1985: 71), тогда как понятие нищеты несет в себе более конкретную информацию о тяжелом положении человека, которое может включать в себя не только отсутствие средств к существованию, но и отсутствия пропитания, крова, постоянной работы и др., ср.: ‘крайняя бедность, нужда’ (МАС, т. 2, 1986: 503)

2.1.2. Имена прилагательные с негативными префиксами, выступающие в функции эвфемизмов в рецензиях

Среди обнаруженных в рецензиях эвфемистических единиц, образованных посредством негативной префиксации, самую большую по численности группу составили именно прилагательные, что легко объясняется признаковой природой слов данной части речи. Чтобы представить негативный признак описываемого предмета или явления в менее резкой форме, рецензенты нередко прибегают к использованию отрицания в составе имен прилагательных.

- *В целом **неблагоприятное** мнение о Петрове надолго укоренилось в отечественной культуре [Новый Мир, 2017, 2: 264].*

В этом случае рецензент предпочитает не говорить открыто об отрицательной оценке творчества писателя Петрова, заменяя прямую номинацию «плохое» (мнение) прилагательным, содержащим отрицательный префикс и две корневых морфемы с положительным значением. Эвфемистический вариант «неблагоприятное мнение» помогает снять резкость утверждения, маскирует степень низкой оценки.

- *Литературное сообщество прекрасно понимало, что все это игра, но тем не менее тычки Дмитрию Ивановичу Хвостову (а также всей его семье) доставались **нешуточные** [Новый Мир, 2017, 4: 258].*

Рассуждая о судьбе графа Хвостова, рецензент именует издевки над литературным деятелем со стороны современников «нешуточными», выбранное эвфемистическое прилагательное существенно нивелирует серьезность нападок в адрес поэта.

- *Представляется также крайне неправдоподобным, что Водолазкин конструирует свой макрокосм именно через Иннокентия Платонова, хотя то, что он создает некий идеал поведения, – вполне вероятно. История Иннокентия крайне **нетипична** (а попросту говоря, нереальна), но на примере героя, уснувшего в тридцатых и проснувшегося в конце девяностых, мы видим, что человек может оставаться человеком даже когда он теряет все, кроме своего имени (и то — даже здесь Платонов просто верит своему лечащему врачу на слово) [Новый Мир, 2016, 7: 263].*

Автор рецензии убежден в том, что события рецензируемого произведения не могут происходить в реальной жизни. Однако предпочитает назвать их «нетипичными», т.е. ‘лишенными типичности’ (МАС, т. 2, 1986: 486), использовать прилагательное, в значении которого нет категоричности в отношении невозможности происходящего в реальности, а есть лишь указание на странность, необычность описанных событий.

Данный пример интересен тем, что автор рецензии сам дает понять, что применил эвфемистическую единицу, определяя ее замаскированное значение в скобках (история «нереальна»). Прямую номинацию «нереальна», предваряет вводная конструкция «попросту говоря», что делает разницу в степени выражения отрицательного признака еще более заметной.

Любопытное употребление эвфемистических прилагательных с *не-* можно наблюдать в случае, когда рецензенту приходится анализировать и камуфлировать действия политической власти, описанные в рецензируемом источнике:

- *В условиях чрезвычайной международной напряженности, встретив **недвусмысленную** реакцию администрации Рейгана на свое желание посетить СССР, они были вынуждены в течение двух лет собирать средства*

среди сочувствующих или разделяющих их взгляды общественных организаций и просто людей, желающих узнать правду о Советском Союзе [Новый Мир, 2016, 4: 269].

Прилагательное «недвусмысленный» легко встраивается в соответствующую триаду: недвусмысленный – двусмысленный – однозначный. Следовательно, с одной стороны, с помощью негативной префиксации прилагательного происходит смягчение восприятия однозначности административной реакции. Однако с другой стороны, очевидно, что «однозначная реакция» не может выступать в роли прямой номинации, так как характер самой реакции не назван. «Однозначный» в приведенном контексте вуалирует конкретное описание реакции, крайне негативной. Таким образом, «недвусмысленная реакция администрации» предполагает жесткий запрет властей на посещение СССР.

Эвфемистическим потенциалом обладает прилагательное «неоднозначный», образованное путем негативной префиксации:

- *Таким образом, роман Ольги Брейнингер **неоднозначен**. Из-за избытка интертекстуальности вместо «героя нашего времени» получилось нечто из лаборатории Франкенштейна, собранное из персонажей американских романов. Изображения и анализа действительности XXI века здесь практически нет, — нормально ли это для текста, который преподносится как «роман поколения»? И хотя его проблематика наднациональна, жаль, что автор не захотела сделать его более «российским» и злободневным [Знамя, 2018, 3: 218].*

Характеризуя роман как неоднозначный, рецензент уходит от конкретики, от открытого оценивания произведения как хорошего или плохого. Однако тот факт, что большую часть рецензии составляет перечень недостатков романа и критических замечаний автора рецензии, дает читателю понять, что в целом книга не оправдала ожиданий рецензента и оценена им низко.

Употребление эвфемистического прилагательного «неоднозначный» по отношению в роману позволило указать на наличие как слабых, так и сильных

сторон произведения, а вместе с тем дало возможность рецензенту снять с себя ответственность за вынесение конкретного вердикта по поводу прочитанного.

- *Обзывательский язык и тон в изъяснениях на столь щекотливые темы нежелателен по тысяче причин. Во-первых, например, вдумчивому и самостоятельно мыслящему (!) читателю подобного текста элементарно сложно разобраться, можно ли этому всему верить. Во-вторых, таким образом автор просто уподобляется тем, про кого пишет с нескрываемым отвращением. В-третьих, автор уподобляется официальным представителям российской власти, гостям российских аналитических и новостных передач и еще многим и многим, кто обсуждает Украину с позиции «нормальные — ненормальные», и тогда книга вообще теряет хоть какую-либо ценность [Знамя, 2017, 3: 226].*

Критикуя стиль изложения автора, рецензент приводит четкие аргументы в пользу неприемлемости использования тех языковых средств, с помощью которых описаны события в рецензируемой работе. Из контекста становится очевидным тот факт, что рецензент склонен считать стиль автора во многих случаях недопустимым, однако предпочитает именовать его прилагательным «нежелательный», т.е. ‘не соответствующий чьим-л. желаниям, интересам’ (МАС, т. 2, 1986: 442), в значении которого заложена допустимость, в чем проявляется эвфемистичность выбранной языковой единицы.

- *Я сторонник того, что оценить можно, только прочитав/увидев/услышав произведение целиком. Конечно, я не читала текст на французском в «Войне и мире», потому что не знаю языка. В случае с главой о планшетах случилось то же самое: «На всех гаджетах линейки Nexus софт оптимизирован под железо и работать будет ничуть не хуже, чем на эппловских девайсах», — это, извините, какой-то неродной мне язык [Звезда, 2016, 8: 267].*

В приведенном отрывке рецензент выражает свое возмущение по поводу того, что автор работы не владеет нормальным литературным языком для передачи технической информации читателю. Высокая сложность восприятия

такого изложения заставляет автора рецензии провести ассоциативную параллель с невозможностью понимания текста иностранного языка читателем, который им не владеет. Однако рецензент не допускает резкостей в адрес автора произведения, ограничиваясь мягкой характеристикой языка автора: «какой-то неродной». Для смягчения номинации рецензент не только использует отрицательное прилагательное, но и сопровождает его неопределенным местоимением для размывания возможной резкости.

2.1.3. Наречия с негативными префиксами, выступающие в функции эвфемизмов в рецензиях

Наречия, образованные посредством присоединения к ним отрицательного префикса, формируют вторую по численности группу эвфемизмов с указанным способом образования.

- *Возникает следующий вопрос: а нужно ли это вообще? Забыли авторов неуклюжих, вторичных, скучноватых виршей — и хорошо ж? По моему — очень даже **нехорошо** [Новый Мир, 2017, 4: 266].*

В данном примере можно наблюдать использование эвфемистического варианта «нехорошо» вместо прямого наименования «плохо». Такая замена является широко распространенной, поскольку антонимическая пара «хорошо-плохо» является в русском языке базой для выражения оценки чего-либо. Трудно не согласиться с тем, что на условной шкале оценивания пометка «нехорошо» будет расположена между двумя обозначенными оценками, так как «нехорошо» воспринимается русскоязычным носителем как более высокая оценка, чем категоричное «плохо». Таким образом, наречие «нехорошо», образованное путем негативной префиксации, содержит в себе оттенок неопределенности оценки, что позволяет ему быть удобным для маскировки низкой оценки.

- *Филип Дик, надо сказать, как и большинство фантастов «новой волны», в отличие от фантастов-предшественников, автор не очень добрый. Не то чтобы он не ставил этические проблемы, но решал он их, скажем так,*

нестандартно (или вообще занимался совершенно другими вещами). Но «Человек в высоком замке», пожалуй, наименее циничный и, я бы сказала, самый оптимистичный, самый человеколюбивый из романов Дика [Новый Мир, 2016, 6: 254].

Приведенный контекст интересен тем, что эвфемистическое наречие «нестандартно» использовано не в своем прямом значении, поэтому представляется сложным заменить данное слово синонимичным. Истинный смысл наречия «нестандартно» автор рецензии предпочитает дать в скобках. При этом даже расшифровка того, что рецензент понимает под нестандартным решением, дана в завуалированном виде. Из контекста ясно, что рецензент характеризует автора рецензируемой работы как человека, которого не занимают этические проблемы, что, соответственно, находит отражение в его творчестве. Рецензент уводит читателя от констатации того факта, что автор не проработал этическую составляющую своего произведения, с помощью введения в текст рецензии наречия «нестандартно» и намека «занимался совершенно другими вещами», данного следом в скобках, который дает понять, что «нестандартно» следует понимать не в привычном значении: ‘не шаблонно, оригинально’ (МАС, т. 2, 1986: 482), а в том значении, которым наделил его автор (‘никак’). Кроме того, следует акцентировать внимание на вводном обороте «скажем так», который имеет метаязыковой характер и подчеркивает ситуацию эвфемизации.

- *Во-первых, многие функционеры (больше из комсомола и КГБ, чем из партийных органов) осознавали, что созданная Сталиным система всеобщего контроля за экономикой, культурой и частной жизнью без массового террора в принципе не работает. Возвращаться к сталинским методам номенклатура не хотела (ей и самой при них жилось **несладко**), а просто «отпустить ситуацию» не могла по своей природе [Новый Мир, 2016, 4: 259].*

Избегая излишних описаний нелегких обстоятельств жизни во времена правления Сталина, рецензент обходится устойчивым выражением «жилось

несладко», содержащим наречие с отрицательным префиксом, что дает возможность фразеологизму выступать в функции эвфемистической единицы.

Любопытно отметить, что популярным эвфемистическим средством в рецензиях становится наречие «нередко» в значении «часто» в тех случаях, когда рецензент пытается донести до читателя тот факт, что некоторые недочеты у автора повторяются в работе регулярно. Тем не менее, подсознательно частотность, обозначенная при помощи наречия «нередко», воспринимается как нечто более редкое, чем именуемое словом «часто», что позволяет автору рецензии использовать первый вариант в роли эвфемизма:

- *«Массовый восторг всегда вызывает недоверие пополам с раздражением, причем, увы, не в отношении восторгающихся, но в отношении самого объекта», — эти слова критика о Донне Тартт, увы, порой хочется переадресовать и рекомендательно-навязчивому тону критики самой Галины Юзефович. Проявления критической честности здесь сочетаются с игровыми, лежащими на поверхности, элементами стиля, в которых не прячется стремление завлечь читателя, — что позволяет подать серьезную литературу под маркой легкого чтива (подспудный аргумент: «пусть хотя бы заинтересуются и прочитают»), но **нередко** приводит к обратному результату отторжения — ввиду нагнетания преувеличенных эпитетов: «Ее книга начинает понемногу становиться объектом устойчивого культа. Подобно вирусу, информация о ней распространяется из блога в блог, а каждый следующий «заболевший» стремится «заразить» как можно большее число окружающих». Или — в другой рецензии: «фирменная способность прозы Андрея Рубанова — способность засасывать читателя без остатка» (если вдуматься в физиологический смысл этой метафоры, такую «способность» скорее можно рассматривать как отпугивающую, равно как и предыдущее наблюдение о «вирусе») [Знамя, 2017, 2: 232].*

Эвфемистический потенциал реализует наречие «неприятно», образованное способом негативной префиксации. Достаточно высокую степень недовольства работой, разочарование от прочитанного, «обманутые ожидания»

деликатный рецензент не стремится высказать в чрезмерно эмоциональной форме, предпочитая ей наречие, которое способно выразить лишь тот факт, что в целом книга не принесла приятного опыта:

- *Начать с того, что многие вошедшие в книгу тексты уже печатались ранее, и в некоторых случаях это оставляет горький привкус обманутого ожидания. Я, например, большие надежды возлагал на Сергея Носова, который умеет рассказывать о Петербурге, как никто другой. А в сборнике оказался рассказ о памятнике Достоевскому, который печатался уже как минимум дважды (в журнале «Время культуры» и книге «Конспирация, или Тайная жизнь петербургских памятников—2»). То же и с текстами Татьяны Толстой, Вадима Левенталя, отчасти Евгения Водолазкина и др. Это, конечно, не самое страшное, что может случиться (если перефразировать строчку группы «Ленинград» — не ту, что дала название сборнику), но все равно **неприятно** [Звезда, 2017, 8: 265].*

2.2. Эвфемистические отрицательные предложения

Эвфемистическое отрицание может быть создано не только путем присоединения словообразовательных элементов (отрицательных префиксов), но и при помощи средств синтаксиса. Нередко рецензент достигает эвфемистического эффекта введением отрицания в структуру предложения. Как правило, такого рода предложения содержат отрицательную частицу *не*, которая может функционировать как самостоятельно, так и в комплексе с другими отрицательными средствами. Обозначенная языковая единица способна сочетаться с любым членом предложения, что позволяет выделить определенные модели отрицания на уровне предложения. Настоящая работа призвана проиллюстрировать явление эвфемизации посредством отрицания во всем его многообразии, в том числе в различных типах отрицательных предложений.

Итак, базой для систематизации материала послужила классификация отрицательных предложений, представленная Е.В. Падучевой (Падучева, 2013).

Вслед за исследовательницей было принято четкое разделение таких понятий, как «предикатное отрицание», относящееся к синтаксису, и «общее отрицание», связанное с семантикой. Таким образом, было условлено, что класс предложений с предикатным отрицанием не тождественен классу общеотрицательных предложений и, соответственно, класс предложений с присловным отрицанием не совпадает с классом частноотрицательных предложений, что объясняется наличием возможности образования всех четырех типов предложений: 1) общеотрицательного с предикатным отрицанием, 2) общеотрицательного с присловным отрицанием, 3) частноотрицательного с предикатным отрицанием, 4) частноотрицательного с присловным.

Анализ материала показал, что наибольшим потенциалом к содержанию эвфемистических конструкций с отрицанием обладают два типа отрицательных предложений: общеотрицательное с отрицанием при предикате и частноотрицательное с присловным отрицанием. Соответственно, в рамках этих двух типов был осуществлен анализ эвфемистических предложений с отрицанием, обнаруженных в рецензиях журналов «Новый мир», «Звезда» и «Знамя».

2.2.1. Эвфемия в общеотрицательных предложениях с предикатным отрицанием

В русском языке с точки зрения семантики принято различать общеотрицательные и частноотрицательные предложения (*Пешковский* 1938: 352). Общее (полное) отрицание распространяет свое действие на все предложение. Общеотрицательным предложением считается то, которое легко трансформируется в предложение с начинающим его оборотом *неверно, что*.

Предложением с предикатным отрицанием называется такое предложение, в котором отрицание прибавляется к слову, являющемуся семантической вершиной исходного предложения (*Падучева* 1974: 154). Как правило, в качестве такой вершины выступает предикатив (сказуемое).

Данный параграф посвящен описанию эвфемии, созданию которой способствует структура общеотрицательного предложения с предикатным отрицанием:

- *Автор задает эмоцию, намечает образы и... оставляет стихотворение в стадии наброска. Мне это не кажется удачей... [Знамя, 2017, 2: 229].*

Откровенно неудачное построение стихотворения рецензент предпочитает охарактеризовать с помощью общеотрицательного предложения (*мне это не кажется удачей = неверно, что мне это кажется удачей*) с предикатным отрицанием, где оценка стихотворного текста звучит неопределенно. Как и в случае с негативной префиксацией, отрицание чего-либо положительного (уже на уровне предложения) способствует эвфемии, а структура общеотрицательного предложения с предикатным отрицанием располагает к появлению данного феномена.

- *С другой стороны, ставить этот метод в укор автору было бы нечестно, не упомянув, что игра со словом («филологические бредни») — мотив, связывающий Степнова с умершим другом — Осой. Он тоже писал стихи и обладал той чуткостью к языку, по которой главный герой определяет близких для себя людей. Выходит, что этот начинающий писатель Степнов не утруждает себя бременем отбора? [Звезда, 2017, 8: 251].*

В предложенном примере отрицательная частица *не* присоединяется к предикату (*утруждает*). Само предложение легко перефразировать в следующее: *неверно, что Степнов утруждает себя бременем отбора*. При характеристике героя анализируемого произведения рецензент, давая низкую оценку его способностям к языку, предпочитает не выражать ее открыто, а смягчить с помощью эвфемистического отрицания.

Таким образом, автор намеренно перегружает конструкцию с отрицанием, усложняя тем самым ее восприятие и скрывая свою оценку. В сущности, приведенный отрывок рецензии содержит следующую информацию: *Степнов плохо пишет стихи*. Однако у рецензента эта информация подается в

виде сложной конструкции, где фиксируется лишь тот факт, что Степнов не расходует силы, энергию и время на то, чтобы тщательным образом отбирать для своих произведений литературные средства. Так, использование общеотрицательного предложения с предикатным отрицанием помогает замаскировать истинный смысл высказывания.

В данной рецензии такой способ эвфемизации применяется автором неоднократно, вследствие чего можно заключить, что эвфемистические предложения с отрицанием являются характерным для стиля конкретного рецензента средством вуалирования низкой оценки чего-либо. Особенно ярко это прослеживается в финальных строках рецензионной работы, где ее автор приходит к выводу, что произведение не удалось и поэтому не будет оценено публикой высоко.

- *Наверняка роман будет обделен вниманием критиков и литературных премий (хотя, к счастью, уже отмечился в длинном списке «Большой книги»). Он не несет глубокого откровения, не прокладывает новые пути развития литературы и не является ярким примером мастерского владения художественным стилем [Звезда, 2017, 8: 251].*

Подводя итоги, рецензент прибегает к отрицанию, чтобы опровергнуть достижение автором успеха в создании эмоционально и художественно сильного произведения, а также значительности его вклада в литературу. Следовательно, в рецензии фиксируются лишь те высоты, которых автор не смог достичь, однако откровенно низкие оценки в отношении рецензируемого произведения не звучат, что существенно смягчает критический тон рецензии.

- *Ни ее сравнительно редкие публикации (76 рассказов — при жизни), ни книги **особых восторгов** у читающей Америки **не вызывали** [Звезда, 2018, 1: 249].*

В приведенном примере рецензент избегает открытых заявлений о негативном мнении публики о писательнице и ее творчестве, предпочитая им отрицание положительных реакций (*особые восторги*), которых рецензируемая книга не спровоцировала.

- *Все рецензенты последнего романа Лены Элтанг разделились на два противоборствующих лагеря, причем ни тот ни другой **не обещают роману светлого будущего**: одни обвиняют в том стиль автора и длину романа (то есть сам текст), другие — ущербность общества (то есть людей, которые этот роман читают или, другой вариант, никогда не прочтут); и кто из них более оказывает книге медвежью услугу, решить сложно [Звезда, 2016, 1: 260].*

В данном отрывке рецензии представлено рассуждение рецензентов о судьбе романа, которому предвещают провал. Однако автор рецензии заменяет утверждение негативного прогноза на отрицание позитивного. Рецензент вводит в общеотрицательное предложение с предикатным отрицанием слова положительной семантики (*светлое будущее*), создавая тем самым эффект эвфемизации.

Любопытный пример эвфемистического отрицания следует отметить в предложении с устойчивым словосочетанием «пройти мимо» в значении ‘не коснуться, не затронуть’ (Тихонов и др. 2007: 150). Поскольку в значении фразеологизма уже заключено отрицание, то при употреблении данного выражения с отрицанием в виде частицы *не* формально можно наблюдать одно отрицание (*не*), а с семантической точки зрения — два (предложениям с двойным отрицанием, отраженным формально, с помощью нескольких средств негации, посвящен отдельный параграф работы):

- *Признаться, порой такой напор со стороны писателя раздражает. Бывает, наш поэт превращается в брюзжащего критика всего, что не на Дальнем Востоке. А иногда и вовсе заговаривается (от переизбытка чувств, наверное): «Вода — мокрая, небо — синее, рельеф — гористый». **Не прошел он и мимо соблазна поиграть в обличителя и морализатора** (мы превращаемся в соевое общество, а тот, кто ездит в Таиланд зимой, не понимает и не ценит России) [Звезда, 2016, 4: 258].*

В предложении с двойным отрицанием само отрицание снимается, в результате чего достигается семантическое утверждение. В стилистике двойное

отрицание относится к фигуративным средствам языка под названием литоты, ср.: «В более узком смысле литоту определяют как отрицание отрицания или утверждение, построенное на двойном отрицании (Емельянова 2009: 169). Эвфемистический эффект достигается благодаря этому приему: *Не прошел он и мимо соблазна поиграть в обличителя и морализатора = он поиграл в обличителя и морализатора.*

- *Для чего автору понадобилось приручить змея — вопрос, конечно, не праздный. Вероятно, таким образом печальная история героя переносится из бытового плана в бытийный. Но, кажется, и без этого образа текст не стал бы хуже [Звезда, 2016, 8: 261].*

Недоумение по поводу введенного в произведение эпизода с приручением змея рецензент выражает предельно деликатно, находя логическое оправдание непонятному моменту в тексте. Несмотря на то, что автор рецензии определенно считает данный образ в книге лишним (*без этого образа текст не стал бы хуже = с этим образом текст стал хуже*), он не говорит об этом прямо, представляя свою точку зрения в виде ненавязчивого предположения с использованием отрицания при предикате в общеотрицательном предложении. Эвфемистичность усиливается благодаря вводному слову «кажется», а также условному наклонению.

Подобный способ в смягченном варианте обозначить недочет рецензируемой работы можно наблюдать в следующем примере:

- *Возможно, не стоило перегружать пояснения обилием адресов (например, многочисленной семьи купцов Морозовых), которые прямо не связаны с произведением И. А. Бунина, и на этом фоне оставлять без точных указаний упомянутые писателем рестораны «Прага», «Эрмитаж», «Метрополь», «Яр» и «Стрельна». Однако легкая усталость от пройденного маршрута компенсируется обширным иллюстративным рядом. Многочисленные фотографии, репродукции рисунков и картин не хуже, чем словесные описания, выполняют функцию реального комментария к тексту*

Бунина, хотя и здесь могут возникнуть вопросы по отбору материала [Новый мир, 2017, 3: 263].

Тактично в текст вводится рекомендация рецензента по поводу излишних топографических подробностей, наличие которых, однако, затем оценивается положительно. Критика подана в эвфемистическом ключе при помощи отрицания и вводного слова «возможно». Учитывая, что слово *перегрузить* - ‘нагрузить чрезмерно, больше, чем можно’ (МАС, т. 3, 1987: 57) - содержит отрицательную коннотацию, этот случай также может быть отнесен к двойному отрицанию.

- *Что мне не симпатично в произведениях Пелевина, так это его зацикленность на детальном описании создаваемых им миров. Похвально, конечно, что автор беспокоится о читателе, но не лучше ли было бы являть декорации во время самого действия? С другой стороны, эти его описания — они же и лирические отступления [Знамя, 2018, 1: 234].*

В данном отрывке рецензент конкретно указывает на то, что ему не нравится в работах Пелевина, посредством использования отрицания при предикате «не симпатично», а затем с помощью вопроса с отрицанием дает автору совет, который тут же прерывается опровержением собственного недовольства, рецензент отмечает достоинство приема, который был изначально отмечен им в качестве недостатка.

2.2.2. Смещение предикатного отрицания как эвфемистический прием

В связи с предикатным отрицанием следует упомянуть такой эвфемистический прием, как смещение. Падучева предлагает считать предикатное отрицание смещенным, если его можно заменить на отрицание присловное, почти не изменив при этом смысл предложения (Падучева, 2013):

- *По сценарным работам видно, что книга «Веселые истории о панике» немного упрощает облик автора. Мультяшечка превращается в писателя исключительно про отношения, причем про такие, которые вроде бы каждому*

под силу описать: про любовь, про дружбу, про города. И композиция книги не кажется очень удачной: четыре рассказа разделены то отрывками из дневника, то драматическими зарисовками [Звезда, 2017, 8: 265].

Данный пример является отчетливой иллюстрацией общеотрицательного предложения (=неверно, что композиция книги кажется очень удачной), где легко осуществить перемещение отрицания без существенного изменения смысла: *композиция книги не кажется очень удачной* = *композиция книги кажется не очень удачной*, в результате чего предложение превращается в частноотрицательное с присловным отрицанием. Достижимый смещением отрицания эффект Падучева объясняет следующим образом: «говорящий пытается скрыть ложность более слабого утверждения, высказывая ложность более сильного» (Падучева 2013: 119). В данном случае именно смещение отрицания позволяет сделать акцент на наречие меры и степени *очень*, служащее для усиления описываемого признака (в данном случае под слабым утверждением следует понимать *удачную композицию*, под сильным – *очень удачную*). Рецензент умело вуалирует низкую оценку композиции рецензируемой книги, отрицая лишь тот факт, что книга кажется ему очень удачной, создавая тем самым эффект неопределенности (композиция не удалась совсем либо удалась, но не на высшем уровне).

Таким образом, эвфемизации в исходном предложении способствует не только смещенное предикатное отрицание, но и наречие *очень*, акцентирующее внимание на высокую степень проявления положительного признака предмета, а также глагол-связка *казаться* в значении ‘производить какое-л. впечатление’ (МАС, т. 2, 1986: 14), что не тождественно по смыслу ‘являться в действительности’.

2.2.3. Эвфемия в частноотрицательных предложениях с присловным отрицанием

Согласно классификации Падучевой, семантически частноотрицательным предложением можно считать то, где вне сферы действия отрицания

оказывается один из фрагментов предложения. Присловное отрицание предполагает следующее: само отрицание относится не к сказуемому, а к другому члену предложения. В таком типе отрицательных предложений также были отмечены случаи эвфемизации, многие из которых оказались схожи между собой, что позволило выделить три наиболее типичные эвфемистические конструкции с отрицанием.

1) В первую очередь стоит отметить устойчивую группу выражений с эвфемистическим отрицанием, построенным по определенной синтаксической модели: отрицательная частица *не* + наречие меры и степени (*очень*, *слишком* и др.) + слово с положительным значением (чаще всего прилагательное либо наречие):

- Автору *не слишком легко* дается переход от описательности к истолкованию явлений, о которых она пишет [Знамя, 2017, 2: 233].

Например, рецензент, для того чтобы указать на недостаточную степень раскрытия сущности описанных автором образов и явлений, использует предложение с обозначенной моделью отрицания, где фиксируется тот факт, что самому автору переходить от описания к объяснению описанного удастся *не слишком легко*. По сути, рецензент тем самым маскирует свое мнение о том, что данный переход автору вовсе не удастся.

- В другом месте Быков сравнивает Маяковского с пастернаковским Антиповым-Стрельниковым. Паша Антипов был действительно «домашним», «интеллигентным», но, оставив семью и уйдя в революцию, стал железным «расстрельным» командармом. И опять непохоже. У Маяковского не было этого «до» и «после», когда бы он выступал сначала как «домашний», а потом как «железобетонный». И до революции он отвечивал пощечины общественному вкусу. А революцию просто воспринял как свое — «Моя революция» («Я сам»). И хотя пастернаковский Стрельников в чем-то похож на ВВ, — безоглядно любит одну женщину (Лару), стреляется, разуверившись в революции и в любви, — все же литературный портрет (если это портрет!) *не слишком схож* с живым оригиналом [Знамя, 2017, 1: 237].

Выражая свое несогласие с автором в том, что есть основание видеть сходство и связь между пастернаковским героем и Маяковским, рецензент использует отрицательную конструкцию, где отрицательная частица присоединяется к наречию меры и степени *слишком*, что позволяет ослабить отрицание и тем самым создать эвфемистический эффект.

Ровно того же эффекта достигает рецензент во фрагменте, связанном с Лилей Брик, где используется другое наречие:

- *Вот еще о Лиле. Назвать ее «разливательницей чая» — к этой оскорбительной для Лили Брик характеристике, данной разгоряченным Виктором Шкловским, Дмитрий Быков присоединяется, — значит, на мой взгляд, не очень понимать ее роль в доме Бриков [Знамя, 2017, 1: 237].*

Очевидно, что рецензент убежден в некомпетентности Быкова в данном вопросе. Однако его отрицательная оценка редуцируется до отрицания максимальной степени осведомленности автора рецензируемой работы о той роли, которую исполняла Лиля Брик.

- *...«Прилепин — заслужил свое право говорить странное. Даже если выяснить, почему он это делает, заведомо не представляется возможным», хочется прочесть другую статью, в которой как раз предпринимается близкая к социологической попытка такого выяснения. Вместо нее на протяжении сборника — уверенные и не слишком аргументированные заявления о «соответствии самым разным читательским ожиданиям и надеждам», о читателе, для которого «роман станет полнейшей неожиданностью», которые настораживают и представляются чем-то вроде индивидуального штампа в системе координат критика; тут поневоле усомнишься в необходимости «ловить и привораживать» читателя (как пишет Юзефович в рецензии на Водолазкина) таким откровенно-манипулятивным способом [Знамя, 2017, 2: 257].*

Критикуя стиль Юзефович, рецензент упрекает автора в безосновательности некоторых заявлений, привлекая ту же эвфемистическую

модель отрицания с наречием меры и степени: *не + слишком + аргументированные (заявления)*.

2) Вслед за указанной синтаксической моделью отрицания стоит упомянуть близкую к ней конструкцию с другим наречием, которая также обладает большим эвфемистическим потенциалом: *не + наречие времени (всегда) + слово с положительным значением*.

Если наречия *очень, слишком* и подобные выражают максимальную степень чего-либо, то для наречия *всегда* свойственно выражать максимальную протяженность во времени или регулярность проявления признака, осуществления действия и др. Когда в частноотрицательном предложении присловное отрицание реализуется по отношению к наречию с обстоятельственным значением *всегда*, то угол зрения читателя смещается в сторону восприятия непостоянности, нерегулярности того, о чем идет речь в предложении.

- *Еще одна особенность — излишнее внимание к слову. Авилов стремится ухватиться за каждый каламбур, попадающийся на пути, выходит навязчиво и **не всегда удачно**... [Звезда, 2017, 8: 261].*

Рецензент избегает употребления слов с отрицательным денотатом, предпочитая им отрицательные структуры, которые включают языковые единицы, несущие положительное значение (*удачно*). Приемы автора не квалифицируются рецензентом как прямо неудачные – это делается косвенным образом: отрицается высокая частотность, постоянство проявления описываемого признака, но не более того. Рецензент смягчает низкую оценку стиля изложения автора путем введения в текст распространенной эвфемистической модели с отрицанием: *не + всегда + удачно*.

- *Общее впечатление сборник оставляет неровное. Читатель будто бы попадает в мастерскую, где стоят формы, возможно, прекрасных скульптур. Под гипсом угадываются их очертания, но... набор метафор и образов, покрытых лишними и случайными словами, **не всегда становится стихотворением** [Звезда, 2017, 8: 264].*

Свое разочарование от сборника стихотворений рецензент выдает не только списком недочетов книги, но и признанием в том, что многие тексты он не назвал бы стихотворениями вовсе. Однако из соображений деликатности автор рецензии не дает однозначной характеристики сборнику, привлекая метафоры, сравнения, а также эвфемистические отрицания (*неровное впечатление*), в том числе модель с наречием *всегда*, чтобы завуалировать свое недовольство книгой.

3) Еще одна популярная эвфемистическая модель с отрицанием, которую можно выделить в рамках частноотрицательных предложений с присловным отрицанием, выглядит следующим образом: *не + самый + качественное прилагательное* (т. е. превосходная степень прилагательного), выражающее положительную оценку:

- *Однако читать три с лишним сотни страниц о наказаниях ребенка, о том, как на него сыплются «тычки» и «затрецины» — не самое простое занятие, хоть о том и предупреждает аннотация [Звезда, 2018, 2: 260].*

Желая отметить, что некоторые описания в книге были излишне развернуты и обширны, что создавало большие затруднения при прочтении, поскольку читать объемный текст, повествующий об одном и том же, действительно тяжело (*неинтересно, нудно*). Рецензент высказывается об этом недостатке в смягченной форме, используя указанную модель с отрицанием и утверждая, что подобное чтение представляет собой *не самое простое занятие*.

2.2.4. Двойное отрицание как средство эвфемизации

Более сложные случаи представляют собой предложения, в которых, представлено несколько средств выражения отрицания, однако исчезает негативная семантика и смысл высказывания сводится к утверждению:

- *Героев соавторы сваяли умело — не без шаблонов, но с обязательными perk'ами (в компьютерных играх — «особенные черты») [Звезда, 2017, 4: 263].*

Так, смягчая указание на клишированность созданных в произведении образов, рецензент использует двойное отрицание (частицу *не* и предлог *без*), отрицая отсутствие шаблонов, что уже предполагает их наличие. Таким образом, результатом двойного отрицания становится утверждение.

Особого внимания требуют сложноподчиненные предложения, содержащие отрицание как в главной, так и в придаточной части, где значение предложения вновь сводится к утверждению:

- *До сих пор находятся люди, предполагающие, что частные записи — это переливание с одной страницы на другую чего-то вроде сплетен и откровенных признаний, и нельзя сказать, что это не так [Звезда, 2018, 1: 257].*

Рассуждая о сущности жанра дневника, рецензент озвучивает нелестное мнение сторонних людей о частных записях. Автор рецензии выражает свою солидарность с этим мнением при помощи использования двух отрицательных единиц: предикатива «нельзя» с отрицательной приставной *не-* и отрицательной частицы *не*. Рецензент фиксирует отсутствие возможности не согласиться с изложенным предположением, тем самым утверждая об истине данного предположения. Таким образом, фраза «нельзя сказать, что это не так» обозначает «это так».

Важно отметить, что приведенное толкование легко может быть сформулировано в двух словах, простым двусоставным предложением, смысл которого предельно ясен. Однако не случайно автор отдает предпочтение предложению с более сложной структурой. Разворачивая простое предложение в сложноподчиненное, внедряя в него двойное отрицание, рецензент тем самым существенно осложняет его восприятие для адресата, маскирует передаваемое содержание. Согласие автора с озвученной оценкой частных записей становится далеко не очевидным. Поскольку речь идет о низкой оценке предмета анализа, то можно утверждать, что в приведенной выдержке из рецензии имеет место быть эвфемизация, возникшая благодаря использованию

двойного отрицания, с помощью которого автор маскирует низкую оценку жанра.

Затрудненность восприятия такого сообщения вызвана тем, что адресат высказывания для верного понимания вынужден мысленно проделать в голове арифметическую операцию: «минус на минус дает плюс», посредством чего прийти к заключению, что адресант, неоднократно прибегая к приемам негации, на самом деле закладывал в сообщение утвердительный смысл. Можно предположить, что именно сложность восприятия подобных конструкций дает им возможность выступать в качестве эвфемизирующих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе были рассмотрены особенности употребления эвфемизмов, образованных на основе отрицания, в жанре рецензии. Всего было проанализировано 433 рецензии (116 рецензий журнала «Звезда», 203 рецензии журнала «Знамя» и 114 рецензий журнала «Новый мир») с целью выявления в них средств отрицания, выступающих в эвфемистической функции. Всего было обнаружено 278 случаев применения эвфемистического отрицания авторами рецензий.

Основную часть собранных примеров составляют случаи использования негативной префиксации (194 эвфемизма) в качестве средства эвфемизации. При этом наиболее активно рецензенты прибегают к присоединению отрицательных приставок к именам прилагательным (96 эвфемизмов) с целью смягчения отрицательного свойства или признака, выражаемых словами данной части речи. Это, по-видимому, следует связать с тем, что на качественные прилагательные падает основная нагрузка при оценивании произведений и их частей, поэтому они в первую очередь подвергаются негативной эвфемизации. Следствием этого становится смягчение и размывание отрицательных оценок.

В процессе обработки материала были выявлены различные модели эвфемизмов с отрицанием. При анализе однословных эвфемистических единиц с отрицанием в качестве наиболее частотных были выделены следующие модели:

- 1) Отрицательный префикс *не* + имя существительное с положительной семантикой (*неудача*);
- 2) Отрицательный префикс *не* + имя прилагательное с положительной семантикой (*недобрый*);
- 3) Отрицательный префикс *не* + наречие с положительной семантикой (*нехорошо*).

Эти модели объединяет признаковое значение слов, подвергшихся отрицательной эвфемизации: качественные прилагательные и наречия, а также

абстрактные существительные, которые являются грамматическими дериватами признаков частей речи – глагола и прилагательного.

Анализ отрицательных предложений рецензий позволил сделать вывод о том, что наибольшим эвфемистическим потенциалом обладают частноотрицательные предложения с присловным отрицанием. Наиболее популярные эвфемистические модели такого отрицания представлены ниже:

- 1) Отрицательная частица *не* + наречие меры и степени (*слишком, очень*) + слово с положительной семантикой (*не слишком хорошо*);
- 2) Отрицательная частица *не* + наречие времени (*всегда*) + слово с положительной семантикой (*не всегда успешно*);
- 3) Отрицательная частица *не* + *самый* + имя прилагательное с положительной семантикой (*не самый удачный*).

В первой и третьей модели эвфемизация происходит за счет того, что отрицается не признак целиком, а высокая степень его проявления. Во второй модели эвфемизация происходит за счет того, что в фокус попадает отрицание регулярности признака, который таким образом подвергается сомнению, однако без окончательного вывода в его ложности.

Анализ материала показал, что рецензенты достаточно широко применяют в качестве способа эвфемизации, наряду с иными эвфемистическими средствами, эксплицитно выраженное отрицание в составе слов и предложений. Чаще всего авторы литературных рецензий прибегают к использованию средств негации в эвфемистической функции, когда выражают свое негативное отношение к прочитанному и дают рецензируемому произведению низкую оценку.

Популярность эвфемистического отрицания в рецензиях объясняется, во-первых, особенностью жанра рецензии, предполагающего наличие критических замечания, выражение субъективного мнения и оценки, во-вторых, особенностью рецепции отрицания в условиях коммуникации (в диалоге между рецензентом и читателем), которая заключается в затрудненности восприятия отрицания адресатом сообщения относительно восприятия утвердительных

высказываний, что особенно ярко прослеживается в примерах с двойным отрицанием. Учитывая тот факт, что рецензия часто пишется литературными критиками, хорошо знакомыми с авторами рецензируемых произведений, становится понятным сдержанность выражаемых оценок и необходимость их эвфемизации.

Полученные в работе данные могут быть интересны в стилистическом и прагматическом отношении, а именно в аспекте исследования эвфемистического потенциала языковых средств, относящихся к различным языковым уровням, в разных типах текстов. В нашем исследовании анализу подвергся только жанр рецензии.

Эта работа требует дальнейшего продолжения, для того чтобы составить полное представление о том, в каких качественных и количественных отношениях находятся эвфемистические модели языка в различных стилистических условиях и есть ли связь между типом текста и предпочтением при выборе той или иной модели.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная литература:

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1995. – 472 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988. – 341 с.
3. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. XVI. – С. 3-42.
4. Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 23 с.
5. Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики, 2011. – №1. – С. 5-14.
6. Босчаева Н.Ц. Контекстуальная эвфемия в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1989. – 190 с.
7. Буй В. Русская заветная идиоматика / Василий Буй. Веселый словарь народных выражений. – М., 2005. – 368 с.
8. Булаховский Л.А. Табу и эвфемизмы // Булаховский Л.А. Введение в языкознание. – Ч. 2. – М., 1953. – С. 50-54.
9. Валуев В.С. О литературной критике Н.М. Карамзина // Вестник МГУ. Сер. Филология. – 1990. – №5. – С. 20-26.
10. Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык: Энци. – М., 1998. – С. 552-553.
11. Евсеева Н.А. Культура и языковые запреты // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – №2. – С. 43-47.
12. Емельянова О.М. Литота // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. Энци. Словарь-справочник / Под ред. А.П. Сковородникова. – М., 2009. – С. 169.

13. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М., 1958. – 404 с.
14. Карпова А.С. Об эвфемистической функции фразеологических единиц // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания: Межвуз. сб. науч. тр. – Ч. 1. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 152-156.
15. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. – Л., 1988. – 80 с.
16. Кирковская И.С. Особенности семантики логико-философской категории отрицания в лингвистике // Вестник Днепропетровского университета, 2015. – Вып. 21. – №11. – С. 53-58.
17. Ковшова Л.М. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь русских эвфемизмов. – М., 2007. – 320 с.
18. Костюков Л.В. Журналистика мнений. – М., 2004. – 218 с.
19. Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / Под ред. С.Г. Корконосенко. – СПб, 2000. – С. 125-168.
20. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Л.П. Крысин. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М., 2004. – С. 262-286.
21. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца столетия (1985-1995). – М., 1996. – С. 384-407.
22. Крысин Л.П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // РЯШ. 1994. – №5. – С. 76-82.
23. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Ученые записки ЛГУ. – Сер. филологических наук. 1961. – Вып. 60. – №301. – С. 110-117.
24. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – Волгоград, 1999. – 264 с.
25. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // ВЯ. – 2001. – №3. – С. 58-70.

26. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М., 1985. – 271 с.
27. Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. – М., 2013. – 304 с.
28. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938. – 451 с.
29. Потапова Н.М. Эвфемизмы и деловой дискурс. – М., 2009. – 136 с.
30. Реформатский А.А. Табу и эвфемизмы // Введение в языковедение. – М., 1998. – С. 104-107.
31. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 2002. – 541 с.
32. Свитич Л.Г, Ширяева А.А. Журналист и его работа. – М., 1989. – 191 с.
33. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. – М., 2002. – 307 с.
34. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. Спецкурс: учебное пособие. – М., 2006. – 151 с.
35. Смелкова З.С., Ассуирова Л.В, Савова М.Р. , Сальникова О.А. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты. – М., 2003. – 320 с.
36. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. Учебное пособие. – М., 2000. – 310 с.
37. Хлынова В.В. Эвфемизмы и дисфемизмы как способ выражения оценочности в телевизионной речи политиков и журналистов // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов, 1998. – С. 189-191.
38. Шелякин М.А. Справочник по русской грамматике. – М., 2006. – 340 с.

39. Шмелев Д.Н. Эвфемизмы // Русский язык: Энци. / Под ред. Ф.П. Филина. – М., 1979. – 335 с.

40. Partridge E. Usage and Abusage/ A Guide to Good English. – London, 1964. – 210 с.

Словари:

1. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева, М., 1990. – 688 с.

2. МАС – Малый академический словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 3-е стереотип. – М., 1985-1988.

3. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М., 2008. – 464 с.

4. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. Изд. 3-е., стереотип. – М., 2007. – 334 с.